

ментальном смысле для меня культура. Совершенно ясно, что при таком подходе это никакой не социализм. Для достижения взаимопонимания необходимо договориться хотя бы о базовых понятиях. Но если мне говорят, что культура — это «мост», и тут же говорят, что культура — это «хранилище», то дискутировать невозможно. Принцип любой дефиниции — это придание понятию смыслового содержания самого крупного, первичного плана, только потом следуют детализация и уточнение. Смысл состоит в том, что если всю иерархию признаков, дающую смысловое наполнение категории, убрать и оставить только первый уровень, все равно будет ясно, что это такое. Так что это такое: «культура — это мост»? Мы должны пытаться соединить разные стилистики мышления, разные методы — гуманитариев, людей, тяготеющих к метафоричности, к художественному мышлению, на грани науки и искусства, и приверженцев точных, математически проверенных стилистик. Но это требует усилий с обеих сторон.

Хотел бы призвать к креативному методу, позволяющему прийти в итоге дискуссии все-таки к ответу на вопрос: о чем и зачем мы говорим?

Что в итоге?

Социализм и цивилизационная вариативность

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Доклады С.Г. Кара-Мурзы и В.М. Межуева представлены в различных исследовательских плоскостях. Здесь о столкновении позиций трудно говорить, поскольку были обозначены совершенно не пересекающиеся друг с другом концентрические круги. Доклад С.Г. Кара-Мурзы посвящен цивилизационной тематике. Основная проблема, которая выносилась на

обсуждение, — попытка применения некоей универсальной теории на российской цивилизационной почве и объективность ее провала. То, что в качестве этого универсалия выступил именно марксизм, в данной постановке вопроса не имеет принципиального значения. Идеологическую основу другого исторического эксперимента — реформирования 1990-х гг. — составил совершенно иной универсалистский концепт, но результат оказался сущностно сходным.

Доклад В.М. Межуева сосредоточен на реконструкции подлинных взглядов К. Маркса. Решаемые в нем исследовательские проблемы относились в основном к сфере марксологии. К тематике первого доклада это имеет косвенное отношение. Отсюда целесообразно разграничение в проводимой дискуссии двух дискурсивных полей:

- 1) теория социализма;
- 2) цивилизационно-страновое преломление социалистической идеологии.

I. Спектр вариаций теории социализма

Сведение генезиса идеологием социализма и коммунизма исключительно к К. Марксу неоправданно. Спектр теоретических вариаций в рамках социалистической идеи крайне широк. Расхождения можно проследить по всем ключевым вопросам идеологического конструирования. Марксизм исторически являлся лишь одним из направлений в развитии теории социализма.

Путь построения социализма. М.А. Бакунин полагал, что необходимо всеобщее народное восстание, на которое легко откликнется славянское население, являющееся имманентно бунтарским. Но и в консервативной, по бакунинской оценке, немецкой среде теория революционного восстания масс находила сторонников в лице, к примеру, В. Вейтлинга. С точки зрения Г. Бабефа и О. Бланки, социализм достигается посредством заговора узкой группы лиц. Имена обоих мыслителей

стали этимологической основой понятия политического заговора, определяемого в политологии либо бабувизмом, либо бланкизмом. Русский вариант бланкистской теории представляли труды П.Н. Ткачева. В социалистическом движении имелся также широкий спектр адептов построения социализма реформаторским путем, к каковым, например, относились английские чартисты. Другие, как последователи Ш. Фурье и Р. Оуэна, полагали, что социализм достигается не переворотом и даже не реформами, а агитацией посредством морального примера. Фурьеристские фаланги или оуэновская фабрика (на которой ее хозяин в ущерб своим доходам устроил 30-летний коммунистический эксперимент) рассматривались в качестве наглядной социалистической пропаганды. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, несмотря на революционную интерпретацию народниками ее содержания, также агитировала за добровольное учреждение социализма (филантропический синдром Веры Павловны).

Социализм и политический режим. Распространенной версией трактовки социализма являлось его отождествление с подлинной демократией. Другое дело, что в реальном опыте социалистического строительства за титулярной ширмой народовластия создавались авторитарные системы. Но, к примеру, Ж. Сорель считал демократию порочным принципом, несовместимым с социалистической идеей. В утопии Т. Кампанеллы «городом Солнца» управляла когорта ученых, регламентирующих на основе науки поведение населения вплоть до частных бытовых потребностей. С именем Т. Карлейля связано парадоксальное для марксистского слуха направление «феодалного социализма». Данная версия основывалась на трактовке взаимоотношений феодалов и крестьян как гармоничной, патриархальной семьи. К.Н. Леонтьев, отчаявшись в вероятности реставрации традиционалистской системы, предлагал соединить социалистическую и монархическую доктрины. В сменовеховском спектре русской эмиграции была выдвинута формула «царь + советы».

Социализм и государство. В социалистическом движении существовал ряд идеологов, таких как Л. Блан, предполагавших сохранение в обществе будущего института государства. Из сталинского тезиса об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма следовала задача укрепления механизмов государственного принуждения, апогей могущества которых достигался бы непосредственно при вхождении в коммунистическую фазу. Имелся также широкий круг мыслителей, включая такие несхожие фигуры как Ш. Фурье, В. Кондеран, П.Ж. Прудон, М.А. Бакунин, считавших отмирание государства первостепенным условием социалистического строительства. Анархизм представляет собой одно из преломлений социалистической идеи. Работа Э. Вандервильде «Социализм против государства» стала квинтэссенцией антигосударственных умонастроений.

Социализм и община. Общеизвестна дискуссия между сторонниками марксистской и народнической версий социализма по поводу природы русской общины (феодалный анахронизм или ячейка социализма). Еще Т. Мор был вдохновлен информацией о феномене славянской «задруги». Одним из наиболее убежденных коллективистов являлся Г. Бабеф, что фиксировалось в наименовании возглавляемой им организации — «община равных». Но среди социалистов имелись и приверженцы принципов индивидуализма. К таковым относились, к примеру, Ш. Фурье и Л. Фейербах, трактовавшие социализм как реализацию антропоцентристского подхода.

Социализм и частная собственность. Не только в советском идеологическом катехизисе, но еще у Т. Мора и Ж. Мелье отрицание частной собственности являлось основополагающим принципом конструирования общества будущего. Напротив, К.А. Сен-Симон не находил дихотомического противоречия в социальном статусе буржуазии и пролетариата, объединяя обе категории в единый класс — «индустриалы». Институт частной собственности сохранялся в моделях со-

циалистического устройства Ш. Фурье, Р. Оуэна, П. Прудона. Хотя последний при том заявлял, что «любая собственность есть кража» и усматривал в ее генезисе этическую несправедливость. Прудон также разрабатывал проект отмены денег (мютюэлизм). Им был даже предпринят эксперимент по созданию банка, выплачивающего трудящимся специальные бонусы, предназначенные заменить собой денежные знаки.

Социализм и национальный вопрос. Оппонентом К. Маркса, отстаивавшего интернационалистское понимание природы коммунизма, выступил Ф. Лассаль, придерживавшийся национальной версии. В продолжение линии последнего А.М. ван ден Брук заявлял, что каждый народ строит свой собственный социализм. В рамках истории ВКП (б) интернационалистскую парадигму олицетворял Л.Д. Троцкий, национал-большевистскую — И.В. Сталин. По мнению М.С. Агурского, дифференциация народом коммунистов и большевиков отражала реальное соперничество, соответственно интернационалистского и почвеннического крыла партии.

Социализм и религия. Если Л. Блан, К. Маркс, П. Прудон являлись воинствующими атеистами, то многие другие представители социалистической мысли апеллировали в обоснование социализма к религиозной традиции. Даже Ф. Энгельс, имевший по сравнению с К. Марксом более толерантное отношение к религии, обнаруживал много общего в коммунистической и христианской идеологии. Еще более определенно высказывались на этот счет как представитель социалистического движения К. Каутский, так и клира от обновленческой церкви А.И. Введенский, оценивавшие Христа как революционера-коммуниста. Вполне коррелируется с социалистической фразеологией высказывание Иоанна Златоуста: «Всякая сбереженная вещь отнята у нуждающегося, ибо не может быть один богат без того, чтобы другой был непременно беден». Утопизм позднего Средневековья Т. Мора, Т. Кампанеллы, Т. Мюнцера, Д. Уиклифа восходил к истолкованию в социалистическом духе текста Евангелия. В новое время П. Леру, которому

общественная мысль обязана самим термином «социализм», идентифицировав его с христианством, стал основателем распространенного в Западной Европе движения «христианского социализма». В новейшей истории коммунистическая идея подверглась модификации в рамках сложившегося внутри католической церкви направления — «теологии освобождения», получившего особую популярность в Латинской Америке. Обычным явлением партизанской войны в Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа было нахождение во главе «красных» отрядов католических священников.

Социалистический атеизм не являлся безверием, а представлял собой квазирелигиозную утопию. Марксистская циклическая триада «пещерный коммунизм» — эксплуататорское общество — посткапиталистический коммунизм представляла собой трансформацию схемы историософии грехопадения от «золотого века» к новому обретению Царства Духа Святого, должному стать завершением истории. Без эсхатологической перспективы коммунистическое движение лишено смысла. Теория революции является сублимацией архетипа мечты обретения Рая. Неслучайно Т. Кампанелла назвал свою утопию «городом Солнца», что должно было вызывать ассоциации с солнечной мистериальной метафизикой «золотого века». Даже К. Маркс, бывший принципиальным противником христианской атрибутики, создал свой имидж в соответствии с образом Зевса, что отвечало провозглашенному еще в эпоху Великой французской революции намерению заменить мистическую религию потусторонней сферы рационалистическим культом материального мира. Если традиция христианского апокалипсиса представляла собой правую, то коммунистический утопизм — левую эсхатологическую перспективу. Последнее — не в меньшей степени, чем первое — является ценным вкладом в арсенал истории человеческой мысли.

Навязываемый СМИ современный стереотип сводится к оценке коммунизма как профанического и абсурдного уче-

ния. Популярным приемом антикоммунистической критики служит цитирование О. Бисмарка, заявившего: «Социализм в одной стране построить можно, но надо выбрать страну, которую не жалко». На практике склонный к метафорическим высказываниям канцлер построил государственную систему со значительными квазисоциалистическими элементами. О. Уайльд обращался к социализму, поскольку находил его эстетически привлекательным. Французские экзистенциалисты видели в нем бунт против объективизации, необходимости, законов, прыжком в «царство свободы». Они признавались, что сначала объявляли себя коммунистами, а лишь затем начинали читать литературу коммунистических теоретиков. Но если не акцентировать внимание на частных случаях, коммунизм, начиная с социальной утопии Платона, возник как замысел организовать общественное устройство на принципах Разума. Дихотомия капитализма и коммунизма проецировалась как антитеза хаоса и космоса. Плановая система являлась метафизическим выбором в пользу разума. По этой причине даже группа русских космистов во главе с К.Э. Циолковским и В.И. Вернадским усматривали в коммунистической системе силу, способную реализовать выдвинутые ими планетарные проекты. Большой популярностью в 1920-е гг. пользовались федоровские общины, представители которых идентифицировали религиозную философию общего дела, обретения человечеством бессмертия и освоения Вселенной — с коммунистической идеологией.

II. Цивилизационно-страновое преломление социалистической идеологии

Насколько популярна социалистическая идея сегодня? Нами была выдвинута задача составить идеологическую карту современного мира. Критерием в данном случае являлась самоидентификация правящих партий. Идеология либерализма охватывает 18,9% стран. Причем это подсчет с вклю-

чением под маркер либерализма и либеральных консерваторов, и других либерально-синтетических течений. Без такого рода «примесей» у либералов остается 11,7%. При анализе трендов обнаруживается, что с 1950-х гг. идет стремительное снижение популярности либеральной идеи в мире.

Следующее оцифровываемое идеологическое направление объединяет различные течения национализма, национального консерватизма, идеологию третьего пути. Государств с правящими партиями такого толка на сегодня — 29,7%. Здесь мы видим прямо противоположный по отношению к либерализму вектор. Кривая популярности идеологии национализма в мире идет вверх.

И, наконец, социализм. Совокупное число стран, у власти в которых находятся социалистические партии, — 51,4%. Здесь интересна дифференциация по видам социализма. Социал-демократический вариант идентификации составляет 26,2% от общего числа государств. А вот оставшиеся 25,2% — это партии, идентифицирующие себя в рамках идеологии социализма с национальной спецификой. Это та самая модель, которая была описана на российском историческом примере в докладе С.Г. Кара-Мурзы. В основе ее — соотношение идеи социализма с традиционными институтами. Мы видим, таким образом, что это не тупиковая ветвь развития и не проявление большевистской аномальности. Четверть стран современного мира избирают сегодня именно этот идеологический ориентир. Во всяком случае, идеология национального социализма в настоящий момент определенно более значима для человечества, нежели либерализм.

Одним из предложенных С.Г. Кара-Мурзой интеллектуальных вызовов является идея противопоставления социализма и коммунизма. Определенная перекличка прослеживается в данном случае с работами основателя «понимающей социологии» Фердинанда Тенниса. В основе теннисовского подхода лежит концепт — противопоставление общины (гемейншафта), соотносимой с коммунизмом, и общества (ге-

зельшафта), связанного с ценностным ориентиром социализма.

Прототипом общины является семья. В качестве основной скрепы общинного устройства выступает традиция. Общество трактуется совершенно иначе. Здесь уже нет органического единства семьи. Скрепой общества выступает общественный договор индивидумов, агрегирующий их интересы. Отсюда две принципиально различные историософские схемы — циклического и линейного развития. Коммунизм восстанавливает на новом витке цикла прошлое (тезис-антитезис-синтез), социализм создает будущее посредством движения по прямой линии прогресса (тезис-тезис-тезис).

Коммунизм и социализм онтологически противоположны. Но тогда надо обозначить полюса — к какому историческому ориентиру каждый из них устремлен. Если провести такое уточнение, то становится очевидным, что ориентиром коммунизма является традиционализм, а ориентиром социализма — модернизм. Либо восстанавливаем прошлое на новом уровне, либо стряхиваем прах прошлого с наших ног. В этом плане социал-демократия родственна либеральному направлению, а коммунизм — традиционалистскому. Все номинированные в докладе элементы коммунистической системы — община, эсхатология, «золотой век», историософия вечного циклического возвращения — они же одновременно и компоненты традиционалистской идеологии.

Существует инерционная адаптивная сила цивилизаций. Показателен в этом плане исторический опыт распространения мировых религий: сколь отличные друг от друга модели христианства исторически сложились в различных культурных ареалах, столь же вариативны оказались буддизм и ислам. Попадая на ту или иную национальную почву, новая религия адаптировалась по отношению к ней, изменяя зачастую даже свое сущностное содержание.

С той же самой проблемой мы сталкиваемся при рассмотрении феномена распространения социализма. В различ-

ной цивилизационной среде возникают разные варианты социализма. Характерно в этом отношении наименование работы Меллера ван ден Брука — «Каждый народ имеет свой собственный социализм». О том же говорил Жорж Сорель: «Есть столько социализмов, сколько существует великих наций». Для Европы выстроена модель социал-демократии как адаптация к европейской культурной почве. Но даже при этом между немецкой, французской и английской версиями социализма имеются принципиальные расхождения. Если же мы посмотрим социализм за пределами Европы, то социал-демократическая идея в ее классическом виде, по сути, нигде не реализуется. Везде социализм так или иначе был вынужден аккумулировать те традиционные институты — общины, кланы и др., — с которыми он объективно сталкивался в применении к различным цивилизациям.

Чистых моделей — будь то социализм, либерализм или консерватизм — нигде и никогда не существовало. В применении к различным цивилизациям исторически выработывался некий оптимум сочетания элементов различных идеологических систем. О нахождении управленческого оптимума, в противоположность утопическим моделям разного рода «измов», говорил С.С. Сулакшин. Одна из оптимизируемых категорий — общинность. Где-то ее уровень должен быть выше (как в России), где-то ниже (как в Европе), но везде этот оптимум определял лицо каждого конкретного социализма.

Перед Россией сейчас, как и в начале XX в., стоит задача осуществления исторического прорыва. Мы отстаем от западных стран по многим параметрам развитости. Для того, чтобы статус аутсайдера не стал фатальным приговором, России необходимо найти мобилизующую идею. Какая идеология может мобилизовать на прорыв? Ясно, что это не социал-демократизм. Определенное понимание дает в этом плане работа Вернера Зомбарта «Торгаши и герои». Бывает ментальность торгашеская, рыночная, в основе которой ле-

жит интерес, и бывает ментальность героическая, основанная на служении некой высшей идее. Отсюда два варианта социализма. Есть социализм торгашей и социализм героев. Если мы говорим об идейно-психологической мобилизации народа, то выбор между ними очевиден.

Левые идеологии как реальность

А.В. Шубин, доктор исторических наук

Существует ряд пониманий терминов «социализм» и «коммунизм». Во-первых, это взаимосвязанные левые идейные течения. Их необходимо характеризовать, опираясь на тексты генераторов идей именно этого направления. Во-вторых, это общественные отношения, в которых нет разделения на эксплуататоров и эксплуатируемых, господствующих и трудящиеся классы. Есть точка зрения, распространенная после того, как Сталин провозгласил наличие социалистического общества в СССР, что социализм — это советский строй. Увы, сторонникам этой концепции не удалось подтвердить, что в СССР были соблюдены указанные выше качественные параметры социализма, так что слово «социализм» (и тем более «коммунизм») мы не можем употреблять в значении «социальный строй, существовавший в СССР». В-третьих, есть «социализм» и «коммунизм» как феномены современного сознания, мифологические конструкции, которыми оперируют идеологи и публицисты начала XXI в. В первых двух смыслах «социализм» и «коммунизм» — это реальность либо будущая реальность (если считать социализм и коммунизм будущим человечества). В третьем значении реальностью являются не сами социализм и коммунизм, а мифологические конструкции, элементы современного общественного сознания, апеллирующие к этой важной для нашей страны и мира традиции.